

Марк Садовников

Анна Данилова

Первая жена Иуды

«Автор»

Данилова А.

Первая жена Иуды / А. Данилова — «Автор», — (Марк Садовников)

По вине подруги Тамары художница Рита Орлова вынужденно проводит весь день под палящим солнцем на необитаемом острове, где создает красивейший пейзаж. Тамара, чувствуя вину, предлагает компенсировать моральный ущерб, купив у нее картину за большие деньги. Однако Орлова считает свое творение неудачным и не понимает, зачем оно ей понадобилось. Другие действия приятельницы тоже вызывают недоумение: приютила женщину, о которой не знает ничего, даже фамилии. А та сбежала в Москву, и вскоре ее труп нашли в канаве. Это уже не странно, а страшно, и Рита по-новому смотрит на давнюю знакомую...

© Данилова А.

© Автор

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анна Данилова Первая жена Иуды

Дорогой милый Миша!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А еще — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитесь, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (жена)

Глава 1

Она рухнула в кресло – уставшая, злая, с обгоревшей кожей, с разламывающейся головой – и бросила полный отчаяния взгляд на этюдник... Девять часов одиночества на необитаемом острове наедине со своим самым неудавшимся полотном – идиотским пейзажем с волжской природой, ярким и жестоким солнцем, бездушным высоким небом и едва видной полоской желтого поля с подсолнечником. Плюс теплая вода в пластиковой бутылке, теплые бутерброды с сыром, теплые помидоры и даже теплая соль. Она никогда не забудет этот пикник. Будет помнить о нем всю свою жизнь.

Это в ее квартире сейчас была благодать – работал кондиционер, да и за окном был приятный летний и уже нежаркий вечер. Рита слышала звуки шагов прогуливающих по центру города прохожих, шум проезжавших мимо ее дома машин и даже музыку, доносящуюся с площади, где выступали какие-то заезжие музыканты.

Надо было встать, дойти до холодильника, достать сметану и смазать воспалившуюся, красную, обожженную солнцем кожу. Но как Марк отнесется к тому, что от нее за версту будет пахнуть сметаной? Поднимет ее на смех? Вряд ли. Он вообще в последнее время редко смеется. И вид у него чрезвычайно серьезный, он постоянно о чем-то думает. И когда Рита видит его таким, а видит она его каждый вечер, ей хочется ему помочь и сделать что-то такое, скорее всего, невероятное, чтобы убийцы в этом городе перевелись, исчезли, вымерли как вид... Марк был следователем прокуратуры, и в сейфе его душевного кабинета хранились папки с материалами расследований убийств. Тяжелая и опасная, изнуряющая, по мнению Риты, работа.

– Марк, что я могу для тебя сделать, чтобы жизнь твоя не казалась такой уж невыносимо трудной?

– Люби меня, – отвечал Марк, и в такие минуты лицо его словно разглаживалось, а глаза, зеленые изумруды, начинали сверкать как-то особенно, и теплый их блеск заставлял Риту переживать самые приятные минуты своей жизни.

Сначала Марк был просто соседом, потом любовником, плавно переходящим в женихи, и вот теперь он был без ярлыка – просто самый близкий человек, быть может, даже ближе хрестоматийного понятия «муж». Они жили на два дома, на две квартиры, но на одном этаже. Когда Марку необходимо было позаниматься, он сидел в своей квартире, в комнате, за письменным столом, обложившись книгами и бумагами, и Рита старалась его не беспокоить. Когда же он немного приходил в себя и превращался из загруженного работой следователя прокуратуры в Марка, он возвращался к Рите. Когда же работать приходилось ей, она спускалась в свою мастерскую, находящуюся на первом этаже ее огромной квартиры, надевала серую саржевую юбку вместо фартука, поднимала свои густые рыжие волосы к макушке, натягивала на тонкие холеные руки хирургические перчатки и принималась выдавливать на палитру густых ярких червяков масляной краски... Больше всего оба, и Марк, и Маргарита, ценили поздние вечера за чаем или вином, когда они принадлежали только друг другу и Марк обстоятельно рассказывал Рите ход очередного расследования, советовался с ней, и они вместе выстраивали план действия. Рита по мере сил и возможностей помогала Марку, встречалась с необходимыми людьми, чаще всего со свидетелями, словом, собирала материал для следствия. Научилась даже фотографировать. «Марк, это же так просто – дави себе на кнопку, и все...» Иногда в ход шла видеочкамера.

Позвонила мама, Ксения Илларионовна.

– Мама, – заплакала в трубку Рита. – Вот ты считаешь меня уже взрослой женщиной, способной адекватно реагировать на происходящее? Так вот. Это заблуждение. В жизни со

мною все больше и больше случается ситуаций, когда я просто не знаю, как себя вести. Как реагировать на то, что со мной происходит.

– Риточка, милая, да что такое с тобой случилось, что ты даже плачешь? Ни за что не поверю, что тебя обидел Марк... Он не способен на такое...

– Нет, мама, Марк здесь ни при чем, – всхлипнула Рита. – Это моя подруга, Тамара Рындина, ты ее знаешь. Хотя даже она ни при чем... Но злюсь я почему-то на нее...

И она сбивчиво, прерываясь, чтобы высморкаться, рассказала о том, как ее бросили на необитаемом острове на весь день, практически без еды и воды.

– Понимаешь, мы с Марком так ждали этого дня, мне хотелось провести выходные на природе и попытаться все же написать пейзаж. Ты же знаешь, с пейзажами у меня проблема, я всю свою жизнь пишу натюрморты... Я подготовилась, взяла с собой все необходимое, этюдник, купальник... У нас с Марком было такое отличное настроение. Мы с нашими друзьями – Тамарой и Георгием – отправились на другую сторону Волги, где разбили что-то вроде лагеря... Но вид на Волгу открывался именно с того острова, куда нас потом отвезли на лодке, у Георгия лодка... Это недалеко от берега, мы отлично друг друга видели, но не слышали, не говоря уже о том, что переплыть залив в этом месте я бы, конечно, не рискнула даже на круге... Так вот, Марку в каком-то смысле даже повезло – за пару минут до того, как наша лодка должна была уже отплыть от берега в сторону острова, позвонили с работы, словом, вызвали на убийство... И ему пришлось на своей машине вернуться в город. А я осталась. Георгий отвез меня на остров одну. Сказал, что стоит мне только ему позвонить, как он тотчас же придет за мной. Я должна была на острове, между прочим необитаемом, поработать над пейзажем, а они с Тамарой в это время приготовили бы обед – уху, шашлык... Я так радовалась...

Рита услышала звук отпираемой двери – пришел Марк.

– Мам, я тебе потом перезвоню... Нет, ничего страшного со мной не произошло, просто нервы сдали, и на солнце перегрелась... Обгорела... Все... Хорошо, я так и сделаю, сметана у меня есть...

Она поспешила в прихожую встречать Марка. Он появился на пороге такой бледный, городской, словно весь день просидел в кабинете. Ни намека на загар. Это просто бросалось в глаза. И если вчера он выглядел абсолютно так же и она не придавала этому значения, то сегодня, когда она сама себе напоминала вареного рака, ей было даже стыдно перед Марком за свою красноту. Он обнял ее, она едва сдержалась, чтобы не закричать. Плечи горели.

– Марк, – прошептала она, – осторожнее, я обгорела...

Марк включил свет и только сейчас заметил, в каком состоянии находится Маргарита.

– Милая, да ты просто сгорела... Немедленно доставай сметану, я тебя намажу... Ты вся горяешь. Да у тебя температура! Как так случилось?

– Никак, – ей не хотелось выдавать своих друзей, у которых сломалась лодка, и они целый день бегали по берегу, извиняясь жестами перед ней, брошенной на острове, а Георгий усиленно ремонтировал лодку. Он починил ее лишь к вечеру. – Заработалась. Но пейзаж все равно не получился. Так, мазня какая-то. Вода, песок, лодки, кусты, ивы... Ерунда. Сам увидишь. Но только не сегодня, я уже не в состоянии снова видеть его...

И вдруг она поняла, что ждала Марка весь вечер, чтобы броситься к нему и пожаловаться на то, как ей плохо, как больно, как невыносимо. Еще она хотела спросить его, злиться ли ей по-прежнему на Тамару или же взять себя в руки и сделать вид, словно ничего не произошло. Она была уверена, что Марк знает ответы на все вопросы.

– Марк, – заскулила она, уткнувшись ему в плечо, – мне так плохо... Так больно... Я не успела ничего приготовить. Есть холодные котлеты...

– Ты ложись. Я ничего не хочу есть. Вот придешь немного в себя, я приготовлю салат, и мы с тобой поужинаем.

Он обращался с ней как с больной, и ей это было почему-то приятно. Он жалел ее, он хотел обмазать ее сметаной.

В спальне она легла на простыню на живот, вытянулась, обнаженная, и напряглась в ожидании прикосновения ледяной сметаны.

– Да уж, плохи твои дела. Кожа слезет, ты сбросишь ее, как змея...

И Марк осторожным движением провел куском густейшей, как масло, сметаны по плечу Риты. Она застонала.

– Терпи, казак, атаманом будешь...

– Ты на самом деле обмазываешь меня сметаной, а не льдом?

– Ты, даже обгоревшая, самая красивая, – Марк, склонившись, поцеловал ее бедро. – Но как же это могло случиться?

– Говорю же, заработалась...

– А как же крем для загара? Ты же собиралась неделю! Целую сумку приготовила разных шелковых шалей, шляп, кремов, юбок, я не знаю, что там еще было...

– Сумка на берегу осталась, – пожаловалась Рита и уже более спокойно и обстоятельно рассказала Марку о своем приключении.

Он даже присвистнул:

– Ничего себе! Лодка сломалась. Это я понимаю. Но могли бы нанять другую лодку, попросить, чтобы тебя привезли... Это значит, ты была там голодная, без воды...

– Тамара, видимо, перепутала и положила в лодку вместо моей свою сумку, в которой, к счастью, оказались бутерброды и бутылка с водой. Я сунула ее в воду, но все равно она была теплой, противной... Понимаешь, когда тебе позвонили, началась какая-то суета, все расстроились, они же привезли целое ведро замаринованной свинины... Ну и закружились, вернее, это все я. И расстроилась, и закружилась. И взяла по ошибке не свою сумку...

– А если бы в сумке не оказалось еды?

– Я умерла бы с голоду. Или принялась бы есть коренья, щипала бы, как козочка, травку...

– Больше никогда не оставлю тебя одну...

Она закрыла глаза и расслабленно наслаждалась прикосновениями ласковых рук Марка. Боль и наслаждение, какое странное чувство.

– Все, Марк, спасибо, я уже вся в сметане, как поросенок. Меня осталось только сунуть в духовку. Ты иди поешь, а потом возвращайся сюда, расскажешь, что случилось, по какому делу тебя вызвали...

Звонок заставил ее вздрогнуть. Она слышала, как Марк открывает дверь, с кем-то здоровается. Кто бы это мог быть? Неужели это мама? Испугалась, что с дочкой что-то случилось, взяла такси и приехала? Надо будет ей, кстати, купить машину. Небольшую малолитражку, но элегантную, как она сама... Хотя она всегда говорила, что боится садиться за руль...

– Марк, я даже не знаю, захочет ли она меня видеть, – донеслось до Риты, и она с неприятным каким-то чувством поняла, что это пришла Тамара. Извиняться.

Открылась дверь, и в спальню действительно вошла, шурша нежно-розовым красивым платьем, Тамара. Вид у нее был виноватый. Высокая яркая женщина сорока пяти лет с аккуратной стрижкой «каре». Смуглая, малиновые губы, синие глаза.

– Рита, дорогая, ну прости ты нас с Георгием... Мы уже и не знаем, как загладить свою вину... Арбуз привезли, огромный, он в прихожей... Корзину персиков... Я даже решила подарить тебе свои жемчужные бусы. Это настоящий жемчуг...

И она протянула нитку жемчуга. Рита, только сейчас осознавшая, что лежит перед Тамарой в чем мать родила, да к тому же еще с вывернутой неудобно головой, попыталась отказать, даже замычала что-то протестующее.

– Бедняжка, как же ты обгорела... Бери бусы, иначе я буду думать, что ты злишься на нас. Но, поверь, кто бы мог подумать, что лодка сломается... К тому же повреждение было

серьезным... Мы думали, что мотор, но потом все обошлось... И вообще, во всем виноват Георгий! Забыл в гараже весла!

– Да ладно, Тома, успокойся. Я бусы не возьму. Просто попозоришь мне тридцать часов без отдыха, вот и все твое наказание... Шучу...

– А что, отличная идея! Но только в обнаженном виде... Вот как ты сейчас лежишь, так и я хочу... Хотя не думаю, что мои телеса имеют столь же привлекательный вид, как твое нежное тело. Я понимаю Марка...

– Тома!

– Все. Молчу-молчу. Кстати, мы привезли и уху с шашлыком. Все в сумке. Ну, правда, Маргоша, не знаю уже, чем искупить свою вину.

– Можешь купить у меня пейзаж, – вяло предложила Рита. – За кругленькую сумму.

– Да за какую угодно! – обрадовалась Тамара уже более дельному, на ее взгляд, предложению. – Так ты не сердись на нас?

– Нет. Успокойся уже. Ты такая шумная...

– Тогда вставай. Сейчас выпьем винца за перемирие, Георгий поднимется, он же в машине, ждет, когда ты спустишь меня с лестницы, он сказал, что будет меня ловить... Он, между прочим, умеет так замечательно резать арбуз... У тебя будут аккуратные куски без косточек и корки. Так ты встанешь? Разрешаю тебе даже оставаться голой.

– Тамара, ты совсем с ума сошла...

– Признаться, я немного выпила. Что-то разнервничалась... Не знала, как ты меня встретишь. А шашлык разогреем в микроволновке. Тебе подать что-нибудь, халат, к примеру?

– Принеси мой шелковый красный халат из ванной комнаты.

За столом Рита почувствовала себя получше. Марк намочил полотенце и заставил ее держать его на лбу. Тамара хозяйничала на кухне, разогрела шашлык и внесла его в гостиную на большом красивом блюде.

– Что это за тарелка? – удивилась Рита. – У меня такой не было...

– Да вот шла, на улице нашла, отмыла, – засмеялась возбужденная Тамара. – Вообще-то, это коллекционный фарфор. Это тоже тебе подарок. А бусы ты все-таки возьми. Я не могу забрать их назад, решено: жемчуг – твой.

– Но блюдо необыкновенной красоты... Голубые незабудки... Все лепное, роскошное... Тамара, я за такое блюдо готова проторчать на острове еще один день...

– Она перегрелась, – извинился за Риту Марк. – Сама не знает, что говорит. Недавно еще лежала без признаков жизни, а как какую-то тарелку увидела, так ожила... Вы, женщины, удивительные существа.

Георгий, молчаливый, но очень милый улыбчивый человек, постоянно кивал головой, подливал всем вина и охотно ухаживал даже за Марком. Рита чувствовала, что ему по душе дружба с ними, что он рад, что они прощены и что в будущем их ожидают новые встречи, вечерние карты, совместные ужины...

Георгий владел сетью компьютерных магазинов и успел за несколько лет сколотить неплохое состояние. Помимо квартиры в центре города, Рындины построили дом на берегу Волги, даже не дом, а настоящий замок. Рита знала Тамару давно, они стали приятельницами в больнице, в хирургии, где Рита лежала с аппендицитом, а Тамара – с гландами, а вот с Георгием познакомилась весной, когда они оба приехали к ней купить натюрморт – в подарок друзьям. Еще тогда этот крупный непоседливый лысоватый мужчина с нежным лицом ребенка вызвал в ней чувство жалости к нему: ей казалось, что все то, чего он успел достичь в своей жизни, произошло случайно и что теперь ему следует быть осторожным, чтобы нажитое не потерять. Однажды она даже не выдержала и спросила Тамару, как можно быть патроном с таким добрым и милым лицом, на что Тамара лишь выразительно подняла брови кверху, мол, внешность обманчива. Рита подумала тогда еще, что если бы Тамаре захотелось рассказать про

своего мужа что-то негативное, что можно доверить лишь близкой подруге, то она непременно сделала бы это. Но, поскольку этого не произошло и ожидаемого рассказа о двойном дне ее мужа не последовало, Рита сделала вывод, что ее подруга вполне довольна своим мужем (что встречается, по мнению Риты, довольно редко). Единственно, что омрачало внешне вполне благополучную жизнь Тамары, – это отсутствие детей. Тамара отшучивалась: «Представляешь, тогда, в больнице, где мы с тобой лежали, мне вместе с гландами удалили и матку».

Красный шелковый халат, пропитанный сметаной, пришлось сунуть в стиральную машину. Марк убирал со стола после ухода гостей. В квартире стало тихо. Рита стояла в ванной перед зеркалом и, рассматривая себя, думала, как ей лучше сегодня спать – на животе или спине. «У Марка спрошу», – решила она, считая, что ей крупно повезло, раз у нее есть мужчина, который знает ответы на все вопросы и который считает за счастье вникать в ее жизнь. Она была противницей мнения большинства женщин, которые считали, что мужчину следует держать на расстоянии и не позволять ему входить в их жизнь настолько глубоко, чтобы разрешать им советовать, какой свитер лучше надеть, какими духами надушиться. Марку было дело до всего, что только имело отношение к Рите, и она была счастлива этим. Он был неравнодушен к ней, он любил ее, это ли не счастье?

– Марк, – крикнула она из ванной, – не знаю, на спине мне спать или на животе!..

– На мне, – ответил он ей так же просто, как если бы она спросила его, посолить картошку или нет.

– Понимаю. Это ответ настоящего мужчины.

Она вышла к нему голенькая, блестящая от сметаны, и спросила, что за дело было, по которому его срочно вызвали на работу.

– Вот сейчас лед достану, сядем, выпьем немного вина, и я тебе расскажу...

На столе появились высокие бокалы, бутылка вина, резиновая мягкая коробка со льдом в виде шариков. Эту штуку ей привезли из Португалии, и ей нравилось заполнять ее вишневым соком. Шарик получался ярко-красными, вкусными.

– Убийство?

– Убийство. Но никакой интриги. Молодая женщина с двумя маленькими детьми. Муж, точнее даже сожитель, но отец этих детей. Пил, бил. Обычная бытовая драма, закончившаяся трагедией. Я видел ее. Представь себе, она – дистрофик. Худая, как скелет, бледная, как смерть. Не представляю, откуда у нее взялось столько сил. Но она нанесла ему шесть ударов ножом в спину. Вероятно, использовала момент, когда он стоял к ней спиной. Представляешь, как же она ненавидела его, раз нашла в себе силы для таких ударов... Вся прихояная в крови. Все вокруг забрызгано кровью. Словно поросенка резали. Даже лицо этой женщины в крови. А дети в это время спали. Была глубокая ночь. Она убила сожителя и вызвала милицию. Сама во всем призналась. Вот и вся, собственно говоря, история.

– Представляю, сколько же ей, бедняжке, пришлось вынести...

– Кто-то спрашивал у меня, как лучше устроиться на кровати. – Марк осторожно приобнял ее и прижал к себе.

– Ну да.

– Пойдем, я тебе покажу...

Глава 2

Она крепко спала, когда услышала телефонный звонок. Мама? Сестра Наташа? Больше звонить было некому в столь поздний час. Рита набросила на плечи халат и пошла на звук: свой телефон она оставила в сумочке в гостиной. На зеленоватом дисплее высветилось имя: «Вероника». Удивительное дело. Вероника. Они не виделись почти полгода. Школьная подруга, близкий ей человек, но жизнь распорядилась сталкивать их друг с другом крайне редко. Последний раз они встречались на дне рождения еще одной школьной подруги, такая теплая была компания. Все знакомы со школьных лет, есть о чем поговорить, что вспомнить, что рассказать. Ели много сладкого, пили шампанское. Совершенно невинное мероприятие, но Марк приревновал ее к тем нескольким часам, что она провела в обществе незнакомых ему людей. Марк – собственник. Рита мысленно послала Марку поцелуй. Открыла телефон.

– Вероника? Слушаю тебя...

Взволнованный голос прошептал в трубку:

– Я у тебя, на лестнице. Можно войти?

Рита подошла и распахнула дверь. Вероника стояла на пороге. В летнем открытом платье, к груди прижимала белую, расшитую красными цветами сумку.

– Ты одна?

– Нет, ты же знаешь...

– Да, да, знаю... Но мне просто некуда пойти. Не хочу, чтобы кто-то из моих знакомых знал, как я влипла. Мне так стыдно, Рита, так стыдно...

– Да заходи же ты! – Рита взяла ее за руку и втянула в переднюю. – Ты вся холодная... Пойдем в кухню, и там мне все расскажешь. Если понадобится, останешься у меня на сколько хочешь... На тебе лица нет... Кто-нибудь умер?

Она знала, что Вероника много лет живет одна. Что в личной жизни ей не повезло с самого начала, когда она вышла замуж за Сергея Волкова. Совершенно бессмысленный брак. Хотя Вероника всегда говорила, что она любила мужа. Но как можно было любить мужчину, который три года сидел у нее на шее, не считая нескольких попыток заработать на обналичивании денег... Пиво, телевизор, связи на стороне. У Риты было устойчивое мнение на этот счет – Волкова она всегда презирала... Как презирала и своего зятя, мужа родной сестры Наталии, Михаила Генса, который умер в прошлом году (его смерть попахивала криминалом с самого начала – Генс отравился минеральной водой, в которую был подмешан яд, и лишь благодаря Марку, расследовавшему это дело, выяснилось, что Миша отравился сам, узнав о своей смертельной болезни).

Вероника рассталась со своим мужем неожиданно для всех и сразу же уехала в Петербург. Связь с подругой была прервана. И лишь недавно она вернулась обратно, устроилась преподавателем истории в школу и зажила размеренной, спокойной жизнью. И вот теперь этот визит. Чтобы Вероника заявила в такой час – должно было случиться нечто из ряда вон...

– Кофе? Чай? Водку?

– Ничего, – Вероника вся дрожала. – Рита, я понимаю, что так поступать нельзя, что я пришла к тебе ночью, разбудила... Но я не могу вернуться домой. Да мне спать негде!

– Что случилось? Ты успокойся, выпей хотя бы воды... Почему ты не можешь вернуться домой?

– Да потому, что там... – Вероника махнула в сторону окна, – там, дома, – он... Думаю, что он все понял, знал с самого начала, но я-то нет, я никогда не видела его прежде... Рита, он не должен находиться в моем доме, это противоестественно... Но я боюсь его. Я не знаю, чего он от меня хочет.

– Кто он?

– Его зовут Михаил Борисович. Фамилия Рубин. Больше пока ничего сказать не могу, потому что мне ужасно стыдно... Это старая и грязная история. Но он не имеет права находиться в моем доме! Я боюсь даже оставаться с ним наедине. Я хочу, чтобы он ушел, но как это сделать – не знаю... Ты не могла бы поехать со мной и попросить его покинуть мой дом?

– Вероника, ты меня совсем запутала. Это кто – вор, бандит? Тогда почему ты не вызвала милицию?

– Он хуже, чем бандит. Но все потом, потом... Очень прошу – помоги мне избавиться от него...

– Может, разбудить Марка?

– Я не сплю.

Марк стоял в дверях в халате, скрестив руки на груди.

– В чем дело? Что-нибудь случилось? Я случайно услышал конец разговора.

Вероника резко обернулась и, увидев Марка, закрыла лицо руками.

– Помогите мне избавиться от него, – повторила она, не отнимая ладоней от лица. – И, пожалуйста, ни о чем не спрашивайте...

– Хорошо, поедem. Я только оденусь. И ты, Рита, надень что-нибудь потеплее, ночью холодно... И подруге своей дай кофту, она же вся дрожит.

Рита кивнула с благодарностью за проявленную заботу. Она обожала Марка. Ей было приятно, что он подумал даже о Веронике.

...Город казался синим в этот ночной час. Синие дома, синие улицы, даже светофоры с бесстрастно мигающими желтыми глазами казались синеватыми. Ехали молча, быстро. Добрались до набережной за двадцать минут. Остановились возле дома старой постройки, завернули во двор.

– Наша машина, глянь, – сказал Марк, взглядом указывая на стоявшую возле крыльца дома черную машину прокурора. – Что-то мне это не нравится... Вероника, что у вас тут произошло? Я должен быть в курсе.

– Хорошо, я скажу. Там, в моей квартире, один мой знакомый. Он не здешний. Москвич. Я познакомилась с ним давно, у нас был роман, но... платонический... Сегодня я позволила ему остаться здесь, у меня дома... на ночь... Но потом поняла, – она с трудом подбирала слова, – что я совершила ошибку, что он не должен был приходить ко мне... И вот, пока он был в ванной, я сбежала. Взяла такси и приехала к вам. Это все.

– Он вас обидел?

– Нет. Я не могу больше ничего сказать. Ни при каких обстоятельствах. Это слишком личное.

Все произошло так быстро, что Рита пришла в себя уже после того, как Веронику увезли. В ее квартире был обнаружен труп мужчины. Он был убит выстрелом в живот. Помимо документов, удостоверяющих личность (убитого звали Михаилом Борисовичем Рубиным, он был жителем Москвы), в кейсе столичного гостя лежали подписанные накануне договоры на поставку в Москву крупной партии стекла. Вот только денег и ценностей в квартире не оказалось – судя по царившему беспорядку, там после убийства кто-то успел побывать. Во всяком случае, так сказал Марк уже в машине, обращаясь к потрясенной Рите.

– Марк, куда мы едем? Ведь Вероника приехала ко мне за помощью, а мы, получается, сдали ее прямо в руки прокуратуры... С чего вы все взяли, что она убила этого мужика?

– Она пока еще только подозреваемая, – сухо прокомментировал последние события Марк. Рита видела, что и у него настроение испортилось, – от романтического расположения духа, в котором он пребывал до появления Вероники, не осталось ни следа.

– Как-то нехорошо все получилось... Марк, пообещай мне, что поможешь мне, вернее Веронике. Она же моя подруга...

– Я сделаю что смогу, – бросил Марк, прибавляя скорость. – Но и ты не верь никому на слово, в том числе и своей Веронике. Вспомни, в каком состоянии она к тебе приехала, ты видела ее глаза – совершенно безумные... Как ни печально, но я предполагаю самое худшее – это она убила Рубина, испугалась и приехала к тебе за помощью. Уверен, что она знала, кто твой самый близкий друг...

– Конечно, она знает, что ты – следователь прокуратуры... Но не хочешь же ты сказать, что она приехала ко мне только из-за тебя?

– Посмотрим. Но ты согласна со мной, что она была не в себе?

– Согласна. Я ее никогда такой не видела.

– То-то и оно.

– Скажи, Марк, тебе не надоело все эти убийства... Приходишь домой, а ночью кто-то вламывается в твой сон, в твоё спокойствие, в твою личную жизнь, наконец... Знаешь, я сама представила сейчас, что работаю в прокуратуре... тебе не позавидуешь... А потом еще все знакомые, друзья, которые влипают в криминальные истории... И тебе приходится помогать.

– Скажи спасибо, что я не адвокат – вот тогда бы я точно ничего не заработал: постоянно защищал бы всех знакомых и родственников. Обычная история.

– Она произнесла такую фразу, – вдруг задумчиво проговорила Рита, у которой из головы не выходила Вероника и ее странная история. – «Он не имеет права находиться в моем доме». Что это значит?

– Да все, что угодно. Может, он когда-то пытался отнять у нее по суду квартиру или что-то в этом духе, имеющее отношение к квартире. Или совершил что-то такое, о чем она не может никому рассказать. Что-то личное. Или, наоборот, связанное с деньгами.

– Так ты устрой мне встречу с ней, я поговорю, может, что-то выяснится... Ты же слышал, она говорила об этом мужчине, что не может ничего рассказать... Тем более следователю.

– Конечно, устрой. Во всяком случае, постараюсь...

– Марк, ты же не думаешь, что моя подруга – убийца?

– Рита, мы только что обсуждали это. Я вполне допускаю, что это она.

– А я – нет!

– Может, он когда-то изнасиловал ее? – неожиданно предположил Марк. Машина уже въехала во двор и остановилась возле крыльца.

– Но у них же был роман! Она что, не видела, с кем закрутила любовь? Кого пригласила в дом?

– Тоже правильно. А дети у нее есть?

– Нет, и, я думаю, уже не будет. Она – человек основательный, для нее ребенок – колоссальная ответственность. Так, во всяком случае, она мне говорила. Но кто же этот мужчина? Этот Рубин?

Только дома она вспомнила, что кожа ее пропитана сметаной. Спросила Марка, принять душ или нет.

– Ни в коем случае. Мне нравится, когда от тебя пахнет сметаной. Ложись давай спать. Еще только четыре часа.

– Надо бы запомнить, когда она к нам пришла...

– В три часа десять минут – я посмотрел на часы перед тем, как пойти к вам в кухню.

– А когда совершено убийство?

– Точно сказать пока не могу, подождем, что скажут эксперты.

– А если окажется, что этого Рубина убили как раз в тот момент, когда Вероника была у нас, ее отпустят?

– Думаю, да. Что-то есть хочется.

– А у меня аппетит пропал...

– Только шашлык не предлагай. Все-таки это специфическая еда, и ее надо есть на природе, в горячем виде. Да и вообще, эта история с тем, как тебя оставили на острове... Как вспомню, шашлык в горло не лезет. Давай-ка лучше чего-нибудь твоего.

– Есть печеночный паштет, колбаса, немного салата из капусты... Все легкое. Жара, сам понимаешь, я не готовила ничего жирного и сытного...

– Рита, мне с тобой так хорошо, если бы ты только знала. Так спокойно. Не представляю, как я жил раньше без тебя... – Он обнял ее и прижал к себе. – Жаль только, что тебя нельзя крепко обнимать, я понимаю, как тебе больно... Ты же у меня такая нежная, вся беленькая...

– Теперь красная и воспаленная. – Она поцеловала его и открыла холодильник. – Вот не пойму никак: почему люди убивают друг друга? Неужели нельзя просто договориться? Предположим, кто-то к кому-то испытывает глубокое чувство неприязни. Так договоритесь не видеть друг друга. Это же так просто!

– Человеческие чувства не всегда, во-первых, подчиняются логике, а во-вторых, управляемы... И дело даже не в том, что человек совершает преступление в состоянии аффекта, нет... В том-то и дело, что человек подчас испытывает такое чувство, к примеру, мести или ревности, что он не успокоится до тех пор, пока не уничтожит того, кто мешает ему жить. Такие преступления мне, как профессиональному следователю, кажутся наиболее интересными, непредсказуемыми. Куда банальнее выглядит преступление, совершенное из-за денег или какой-нибудь безделицы, как это было с Виолеттой Крупиной, помнишь? Ее убили из-за пары изумрудных серег. И кто? Самая близкая подруга, на которую меньше всего можно было подумать. Вот это было интересное преступление.

– А то, из-за которого тебе пришлось бросить меня вчера утром на Волге? Убийство жителя? Все-таки шесть ножевых ран.

– А это и есть как раз такой случай, когда люди не сумели договориться. Понятно же, что эта женщина не хотела жить с этим мужчиной. Возможно, она просила его оставить ее в покое. Но ему было удобно жить с ней, быть может, ему просто некуда было идти, или же, что трудно предположить, но возможно, он любил ее и не мог представить, что она дальше будет строить жизнь самостоятельно. Он не уходил, одним словом. И она приняла решение избавиться от него навсегда. Я думаю даже, что она много раз мысленно убивала его: в том же коридоре, тем же самым ножом и в спину... Ты бы видела труп! Мужчина – огромный. Я даже обратил внимание на его кулак. Если таким кулаком да по лицу женщины...

– А что, у нее на лице были синяки?

– Были. Я уверен, что и на теле у нее тоже есть следы побоев. Все это смягчит наказание...

– А ее еще и накажут?

– Она же убила, понимаешь?

– Чай? Кофе?

– Чай. Где ты научилась так готовить паштет?

– Меня мама научила. Так что же будет с Вероникой?

– Подождем результатов экспертизы.

В эту ночь Рите снилась большая серая кошка, державшая в зубах большую серую мышь. Утром, однако, она этот сон забыла.

Глава 3

Утром, проводив Марка, Рита в ночной сорочке села перед зеркалом в спальне, надела подаренные ей бусы и, порывшись в своих шкатулках, нашла к ним красивые, усыпанные мелким жемчугом золотые серьги. Вернуть бусы Тамаре или нет? Не слишком ли дорогой подарок? Одного блюда вполне хватило бы. К тому же, если Тамара ее не обманула, в порыве чувств наговорив с три короба, так, может, они с Георгием купят у нее пейзаж? Пусть он висит у них на стене, напоминая о вчерашнем пикнике, о том, что некоторые относятся к своим обязанностям безответственно. Надо же – забыть весла?! Да мало ли что может случиться на воде? Мотор может выйти из строя в любой момент, и без весел в лодке нормальный человек вообще не сумеет стронуться с места. Это же железное правило! Рита была уверена в этом так, словно у нее всю жизнь была лодка. Поэтому бусы оставит. Хотя они будут ей всегда напоминать об этом острове, о той жаре и тех мучениях, которые ей пришлось вынести, работая над пейзажем. Вот теперь, оставшись одна, она могла признаться себе в том, что вчерашние слезы ее были вызваны не столько своим заточением на острове, сколько неудавшимся пейзажем. Неудовлетворенность работой – вот истинная причина ее расстройств и слез. А обгоревшая кожа – так она сама в этом виновата. У нее было достаточно средств, чтобы избежать ожогов. Можно было просто спрятаться в тень и читать книгу. И книга-то была интересная – роман Флобера «Мадам Бовари». Да и вообще, в Тамариной сумке был и крем от загара, один бог знает, почему Рита им не воспользовалась. Хороший крем. И батистовая рубашка мужского фасона, которую можно было накинуть на плечи. Вот только Марку она об этом ничего не рассказала. Почему? Хотелось, чтобы ее трагедия выглядела настоящей, чтобы он ее пожалел... Другой мужчина на месте Марка вообще сказал бы, что ничего особенного не произошло, что у нее была исключительная возможность отдохнуть ото всех и вся, поваляться в тени с книжкой в обнимку... Да об этом можно только мечтать! Марк, однако, пожалел ее и даже, как Рите показалось, расстроился. И Рындиных, заявившихся вчера с извинениями, воспринимал поначалу как своих врагов.

Рита вспомнила о блюде и, сняв с шеи жемчуг, отправилась на кухню – еще раз полюбоваться на это фарфоровое баварское чудо. Звонок в дверь заставил ее замереть. Чувство полного уединения и свободы было разорвано этим звонком извне. Кого это принесло? Обычно в такой утренний час Рита наслаждалась тишиной и покоем. И все, кто ее знал, старались не беспокоить ее в столь раннее время, зная, что она легко может и не открыть дверь. Рита притихла. Может, звонивший уйдет? Кто бы это ни был.

– Рита, открой, это я, Тамара, – услышала она и тяжело вздохнула.

«Долго жить будешь, Тома». Можно было, конечно, сделать вид, что ее нет дома, но Тамара не могла прийти к ней просто так. Она знала, что по утрам Рита работает или отсыпается от ночной работы. Неужели и с ней что-нибудь случилось? Может, с Георгием что?

Она открыла. Тамара стояла на пороге с виноватым видом. Судя по тому, как тщательно она была одета и причесана, с Георгием было все в порядке. На ней было уже другое, голубое с розовым, шелковое платье с глубоким вырезом. Утренняя гостья благоухала, как цветок.

– Проходи, Тома.

– Извини, что потревожила. Но у тебя ведь Марк следователь... вот я и подумала. Может, он попытается выяснить что-нибудь по своим каналам про Зою.

– Про кого? Входи, Тома, не стой... Кофе сварить?

– Свари. У меня и сигаретки хорошие есть.

Тамара проворно вошла в квартиру, разулась и босиком, семена по паркету, направилась в гостиную. Потом, видимо, передумав, свернула в кухню, села за стол и достала из сумочки

пачку сигарет. Достала одну, тоненькую, и затащила. Вот теперь она была готова рассказать, зачем пришла.

– Зося – это моя домработница. Ты же видела ее.

– Ну, видела.

– Представляешь, она пропала. Отпросилась на два дня, сказала, что по личному делу, и вот до сих пор не появилась. А я-то уже к ней привыкла. Она у нас как своя стала дома. Все потихоньку делает, ненавязчиво так, завтрак готовит, обед, ужин, и неплохо, кстати сказать, готовит... С ее приходом в наш дом моя жизнь стала намного легче, комфортнее. Нет, я, конечно, убиралась, готовила, но сколько времени уходило на это? Зато теперь я полностью освободилась от быта. Поначалу думала, что она станет мне мешать своими разговорами, ведрами, тряпками и кастрюлями... Но она старалась работать, я же говорю, как-то тихо, ненавязчиво, словно в доме все делалось само... И с душещипательными разговорами о своей неустроенной жизни не лезла. Короче, она была просто идеальной домработницей!

– А почему ты решила, что ее жизнь не устроена?

– Так она же жила у нас! Практически никуда не выходила. Своей квартиры у нее не было, она как-то вскользь сказала, что у нее проблемы, а я допытываться не стала...

– А что ты вообще о ней знаешь? Она попала к тебе по рекомендации?

– В том-то и дело, что нет. Я подобрала ее на вокзале. У нее кошелек украли. Она стояла тихонечко в сторонке и плакала. У нее еще было такое несчастное лицо... Я в тот день собиралась на дачу на электричке. Моя машина сломалась, у Гоши тоже были какие-то проблемы, и он не смог отвезти меня в Татищево...

– Постой, так у вас же дача на Шумейке! А туда электрички не ходят.

– У нас еще одна дача есть. Точнее, дом. Остался в наследство от Гошиной бабки. У нас там огород...

– Уж не хочешь ли ты сказать, что ты выращиваешь там помидоры? – Рита от удивления чуть не просыпала сахар. Трудно было себе представить холеную, с лакированными ноготками Тамару, пропальывающую грядки с овощами.

– Нет. В основном лук. Но выращиваю, конечно, не я, а соседка. Я ей немного приплачиваю, чтобы она участок в порядке держала, да и за домом присматривала.

– Умно, ничего не скажешь. Я и предположить не могла, что ты такая хозяйственная...

– Не знаю, как тебе объяснить, Рита... – замялась Тамара, играя потухшей сигареткой. – Понимаешь, Татищево – это для контраста.

– Чтобы не забывать, что твои предки были крестьянами? – засмеялась Рита.

– Ничего смешного. Понимаешь, в этой деревне все настоящее – люди, животные, молоко... Все, как сто и двести лет тому назад. Нет, конечно, цивилизация ее коснулась, там возле некоторых домов можно увидеть «Мерседесы», но дело-то не в этом... Просто в той жизни, где я провожу больше всего времени, какое-то все искусственное. Да и я словно не я. С тех пор как Георгий стал хорошо зарабатывать, все то, что прежде доставляло мне радость, – покупка новой вещи, поездка за границу, – все это стало образом жизни. Деньги способны доставить массу удовольствий. Но ощутить себя по-настоящему состоятельной женщиной, способной приобрести в собственность многое, помогают такие вот контрастные перемещения...

– Да поняла я все, Тома. Ты мне лучше расскажи про свою домработницу.

– Зося, – задумчиво произнесла Тамара. – Словом, я, конечно, рисковала, когда брала ее к себе в дом. Но и тогда мной двигало желание ощутить сполна свою власть над жизнью...

– Поиграть в благотворительность? – усмехнулась Рита, которой вдруг наскучил весь этот разговор. Ей показалось, что визит к ней Тамары мог быть продиктован все тем же, не очень-то благородным, желанием продемонстрировать ей, Рите, все ту же состоятельность и большие возможности. Судя по всему, Тамара понятия не имела, насколько благополучна в настоящее время сама Рита. Вот только таких диких желаний поиграть в неприглядные игры

с контрастной нищетой она не собиралась. Ей и так было комфортно в этой жизни – ведь она была заполнена Марком и живописью. И она никогда бы не привела в свой дом постороннего человека, тем более женщину с вокзала.

– Можешь меня презирать, но это чистая правда. Мне действительно захотелось принять участие в этой женщине. Ты еще больше удивишься, когда узнаешь, что я ни разу не видела ее паспорт!

– Что, неужели даже фамилию не знаешь?

– Нет. Знаю только, что ее зовут Зося.

– И сколько времени она у тебя прожила?

– Целый год. Вот в августе прошлого года я ее и подобрала. Она сказала, что у нее украли не только кошелек, но и жизнь. Что ей негде жить, что у нее был муж, который пил и у которого теперь другая женщина. Словом, Зося оказалась мне тогда воплощением самого несчастья. Она была травмирована настолько, что взгляд ее показался мне совершенно пустым, словно вытравленным кислотой. Конечно, можно было бы ей просто дать денег и распрощаться с ней прямо там, на вокзале, она бы смешалась с толпой, и мы бы, скорее всего, больше никогда не встретились. Но мне вдруг подумалось, что если я ей не помогу, то она погибнет. Представляешь, какие мысли иногда рождаются в моей голове? Я знаю, ты считаешь меня человеком несерьезным, быть может, даже глупым... Я ведь чувствую, что ты иногда смеешься надо мной... вот и вчера, мне было так трудно дать тебе понять, что я искренне переживаю за то, что с тобой случилась такая история... с этим островом... Сама не понимаю, зачем надо было тащиться именно туда, на залив, когда можно было бы прекрасно провести время на нашей даче на Шумейке... Но я думала, что тебе, как художнице, больше понравится это немножко дикое место. Согласись, что природа там дивная и что ты заблуждаешься насчет того, что твой пейзаж не удался... Я же видела его мельком, когда Георгий привез тебя с острова... Ты была напуганная, злая, красная...

– Тома, давай не будем вспоминать.

– Так я же не об этом! Просто я почувствовала, что вчера, когда я пыталась заглядывать свою вину...

– Ты ни в чем не виновата, просто так сложились обстоятельства... – Рита уже давно пожалела, что открыла дверь Тамаре. Еще немного таких вот успокоительных с ее стороны инъекций, и Тамара уйдет с ощущением, что это сама Рита виновата в том, что родилась и стала художницей, что ей понадобились пейзажи.

– Ты ведь в душе смеялась надо мной, когда видела, как я пытаюсь задобрить тебя, искупить свою вину... Ты бусы брать не хотела...

– Тамара! Прекрати анатомировать, копаться в событиях, чувствах... Зачем ты ко мне пришла? Чтобы рассказать мне, что это баварское блюдо стоит, как чугунный мост? Или назвать истинную цену жемчуга? Зачем ты все портишь? Ну что ты за человек?

– Да нет же! – со слезами на глазах воскликнула Тамара. – Просто мне не хочется, чтобы ты мои искренние чувства воспринимала с усмешкой, вот и все. Я хочу, чтобы ты поняла, что я люблю тебя, очень ценю как человека и ужасно рада, что ты есть... И то, что я иногда обращаюсь к тебе за помощью, – обычное течение жизни...

– Ты о чем?

– Да вот же – Зося, говорю, пропала. Исчезла. Мы с Гошей вчера приехали – ее нет. Продукты не закупила, ужин не приготовила, не убралась... Пропала, понимаешь? Это на нее так не похоже. Она всегда была такая обязательная, старательная... Жила рядом, но так тихо, незаметно. Как мышка. Ты же видела ее...

– Конечно, видела! Она же всегда дома, как же можно ее не увидеть? Но вот мышкой я бы ее назвать не могла. У нее волосы – как огонь. Рыжие, яркие, ты говоришь, натуральные?

– Да. Она от природы такая. И конопатая. Но если приглядеться, то симпатичная такая, милая. У нее кожа белая, а веснушки темно-коричневые.

– Послушай, она жила с вами, а как же личная жизнь?

– Да какая у нее могла быть личная жизнь, когда она весь этот год, все эти месяцы раны, что называется, зализывала. Отходила от этой самой личной жизни. Понимаешь, она попала в спокойную обстановку, где к ней уважительно относились, хорошо ей платили... Она питалась за наш счет, но, правда, отдельно. Я сразу ей сказала, что мы с Гошей будем кушать вдвоем, что мы – семья, а она – только домработница...

– Ну и правильно. Ладно, Тома, скажи лучше, сколько дней ее нет?

– Вчера и сегодня. Она ночь не ночевала.

– И все? Ты думаешь, этого срока достаточно, чтобы просить Марка попытаться найти ее? Ведь ты за этим ко мне пришла?

– Ну да...

– Пока вас не было, ваша Зося отправилась погулять, встретила мужчину, познакомилась и провела с ним ночь... Раны ее зажили, и она снова стала молодой...

– Ей сорок пять, как и мне...

– Хорошо... и она снова стала сорокапятилетней симпатичной рыжеволосой женщиной...

– Ты находишь ее привлекательной?

– Безусловно. Просто ты привыкла к ней.

– Значит, я рано забила тревогу?

– Конечно. Подождите еще немного. Вот если она долго не появится, тогда мы обратимся к Марку. Но ты узнай хотя бы ее фамилию... Ей-богу, Тома, столько месяцев жить под одной крышей с человеком и ничего о нем не знать...

– Мне кажется, она называла фамилию. Постараюсь вспомнить...

– Надеюсь, она живет в отдельной комнате?

– О да! У нее просторная светлая комната. Недавно мы с ней повесили новые шторы... У нее широкая кровать, шкаф, зеркало до полу. А почему ты спрашиваешь об этом?

– Думаю, у вас ей хорошо жилось, и если она не появится еще пару дней, то надо будет поискать в ее вещах документы...

– Да, конечно... Рита, ты извини, что я отвлекла тебя от работы. Вломилась утром, ведь знала, что ты занята... Но Зоси дома нет... Так тихо, так... страшновато... Думаю, вдруг что случилось... Никогда такого не было...

Она могла говорить так еще несколько часов. Рита поднялась, давая понять, что аудиенция закончена. Тамара, не допив кофе, поспешила за хозяйкой в прихожую.

– Ты тогда пока Марку ничего не говори... Ну, как тебе блюдо? Скажи, чудесная вещь?... И, что удивительно, ни единой трещинки...

– Может, ты хочешь взять его обратно?

– Ну вот, говорю же, ты смеешься надо мной... А я ведь от чистого сердца... Кстати, тебе понравилось мое новое платье?

Рита закрыла за ней дверь и перевела дух. Правильно говорит мама: не каждого человека можно принимать в больших дозах... Особенно Тамару.

Она вдруг вспомнила про Веронику. Интересно, ей там, в СИЗО, тоже дали кофе на завтрак? Или напиток из желудей?

Глава 4

Официант Дима остановился перед дверью владельца ресторана, в котором он работал уже два года (был на хорошем счету, за время работы успел жениться и с помощью своего патрона купил квартиру в кредит), и замер. Он вдруг понял, что так не бывает, что слишком уж гладко все шло в последнее время: хорошая зарплата, щедрые чаевые, ласковая жена, маленький сын, новая квартира... Что, начиная с сегодняшнего дня, возможно, начнется обратный отсчет, и если он не поведет себя правильно, то может потерять разом все.

Он прислушался к доносящейся из банкетного зала музыке – там гуляли свадьбу. Было шумно, весело, богато, людно. Праздник невозможно испортить, как невозможно потерять клиентуру. Зная отлично своего шефа, Виктора Сергеевича, его принципы и методы работы, он уже и сам понял, что может последовать сразу же после того, как он, Дима, расскажет ему о случившемся в его зале. Возможно даже, он сам предложит Диме поступить таким образом, чтобы...

Дима постучал и, услышав голос патрона, вошел. В шикарно обставленном уютном кабинете горела лампа. Виктор Сергеевич работал за столом, обтянутым зеленым сукном. Рядом в золоченой круглой клетке мирно спал крупный красно-желтый попугай.

– Что случилось, Дима? – спросил, не поднимая головы, Виктор Сергеевич.

– Там... за столиком... женщина... Она мертвая.

Попугай открыл глаза, словно мог понимать весь трагизм произнесенной официантом фразы.

– Мертвая? В зале много людей? – Виктор Сергеевич, полноватый, упакованный в новый костюм и белоснежную сорочку мужчина, как-то сразу осунулся, плечи его опустились. А на лице появилось выражение озабоченности и брезгливости. Он вдруг грязно выругался и поднялся со своего удобного кресла. – Ты что, мать твою, оглох? В зале много людей?

– Никого... Она сидит в самом углу, под пальмой. Пила кофе, и вдруг...

– Что за чертовщина? Ты уверен, что она мертвая?

– Я не так уж и много видел в своей жизни покойников, Виктор Сергеевич, но у нее губы синие, и она не дышит. В уголке рта слюна... Чашка с остатками кофе опрокинута, скатерть залита...

– Она была одна?

– Пришла одна, потом к ней подседа еще одна женщина. Не думаю, что они были знакомы, потому что обычно женщины при встрече радуются, обнимаются... А здесь все было не так. Заказали кофе. Но потом женщина, пришедшая последней, встала и ушла, помахав той, что умерла, рукой. И лицо у нее при этом было серьезное. Думаю, это было деловое свидание.

– Хорошо. Пойдем посмотрим.

Женщина в черном костюме сидела за столиком, откинувшись на спинку кресла, обитого голубым бархатом. Глаза ее были приоткрыты, как и рот. В оранжевом свете лампы горела копна огненно-рыжих волос. Белая чашечка с золотым ободком была опрокинута, на блюде и скатерть вылились остатки кофе.

– Да уж, мертвее не бывает... Значит, так, Дима, – говорил, рыская взглядом по пустому залу, Виктор Сергеевич. – Пока никого нет, давай поднимем ее, словно она пьяная, под руки и выведем... вернее, вынесем через черный ход к кухне, оттуда – во двор. Погрузишь *это* в багажник своей машины и увезешь куда хочешь. А я в долгу не останусь. Ты – свой человек, поэтому я поручаю именно тебе это дело. Сам понимаешь, если сейчас позвоним в милицию, наедут, как вороны... А у нас свадьба, праздник, и за все, в том числе и за спокойствие и

безопасность, заплачено... Кому понравится, если на свадьбе появятся люди в форме, станут задавать вопросы... да у нас все протрезвеют сразу... Нет, этого нельзя допустить.

Дима почувствовал тошноту, словно ему предложили съесть что-то непотребное. Он воспринимал сидящую перед ним мертвую женщину не просто как труп, но как нечто неральное, противоестественное. И надо же было такому случиться именно в его смену и в его зале? Почему эта женщина не оказалась среди гостей на свадьбе, ведь тогда все было бы куда проще... И уж конечно, без милиции бы не обошлось: слишком много свидетелей... Кроме того, она была бы уже не безымянным трупом, а чьей-то женой, подругой, родственницей. И не вызвать милицию было бы просто невозможно. Как невозможно было бы Виктору Сергеевичу обратиться с просьбой избавиться от трупа к кому-то из официантов. Все носило бы официальный, трагический характер. Все было бы по-настоящему.

– Нам просто повезло, что в ресторане, в смысле, в твоём зале, сейчас никого нет... – вернул его к действительности патрон. Он тоже нервничал, и чувствовалось, что он желает только одного – как можно скорее избавиться от трупа. – Дима, поторопись...

Виктор Сергеевич приблизился к женщине и попробовал подхватить ее под мышки.

– Заходи с другой стороны, не стой как болван! – прошипел он. – Ну же! Поторопись! И старайся не думать о том, что именно ты повезешь в багажнике. Просто груз. Абстрагируйся.

И он абстрагировался. Они вынесли труп из зала, как-то очень быстро донесли до машины и сложили ее, как куклу, в просторный багажник «Ауди». Дима вспомнил, как в воскресенье они с женой Мариной устраивали там корзину для пикника...

– Куда везти? – онемевшими от страха губами проговорил он, стараясь не смотреть в глаза своего шефа.

– Куда-нибудь, чтобы тебя никто не видел, но труп поскорее бы нашли... Дамочка яркая, смотри, какие у нее волосы оранжевые, даже в кустах ее быстро обнаружат...

– И все равно – куда?

– Дима, с тобой все в порядке? Ты сможешь вести машину? – В директоре вдруг проснулась забота. – Что-то ты, парень, совсем белый стал. Мне не хотелось бы, чтобы ты вписался с этой особой в столб... Тогда быстро вычислят, кто ты и откуда, заявятся сюда...

Он думал лишь о своем ресторане, о себе.

– Я повезу ее в сторону Ботанического сада и там постараюсь избавиться... – нашел в себе силы Дмитрий.

– Вот и отлично. Как все сделаешь – возвращайся, расскажешь, как все прошло. Женщина она миниатюрная, не надорвешься...

– Виктор Сергеевич, а где ее сумка?

– Понятия не имею... Я ее, во всяком случае, не брал, – нервно хохотнул директор. – Но вопрос действительно интересный... Сбегай посмотри, может, на соседнем стуле или на полу...

Но сумки нигде не оказалось.

– Я хоть и не криминалист и тем более не следователь, – говорил задумчиво Виктор Сергеевич, – но мне кажется, что мадам отравили и сумку сперли... Вот так. Видимо, не простая дамочка, при деньгах. Или что-нибудь другое ценное в сумочке было... Драгоценности, документы...

– А я так думаю, что сумку взяли, чтобы подольше невозможно было установить личность. В сумке наверняка были какие-то документы – паспорт, водительское удостоверение... Времени на то, чтобы обследовать сумку, у преступника не было, вот он и взял ее.

– Соображаешь, – отчего-то довольно заметил Виктор Сергеевич. – Ну все, Дима, поезжай. Если все провернешь как надо – с меня причитается.

И Дима провернул. Долго ехал вдоль ограды Ботанического сада, все искал удобное место для того, чтобы остановиться. Потом еще дольше сидел в машине в ожидании момента, когда

дорога опустеет. Но как только случалась такая минута и он собирался выйти, из-за поворота возникала какая-нибудь машина. Наконец, понимая, что дольше тянуть нельзя, он все же вышел, открыл багажник и оглянулся. Никого. Быстро достал тело (маленькое, но удивительно тяжелое) и бросил в кусты. Отряхнулся, как если бы он был в пыли, достал пластиковую бутылку с водой и вымыл трясущиеся руки. Он вдруг представил себе, что это он отравил эту женщину... Надо было скорее покинуть это страшное место. Дима, не оглядываясь, тронулся с места... Весь оставшийся путь до ресторана он спрашивал себя: рассказывать о случившемся Марине или нет? Еще он подумал о том, что ни Виктор Сергеевич, ни он сам, Дима, ни разу не допустили мысли о том, что это труп женщины и что ее сегодня кто-то будет ждать домой. Что у нее, возможно, есть муж и дети и что неизвестно еще, когда они получат страшное известие о ее смерти. Кто обнаружит труп? Когда в милиции станет известно о его существовании? А что, если ее тело пролежит возле ограды Ботанического сада долго, на жаре... Как быстро установят личность погибшей?

Он понимал, что совершил проступок, как понимал и то, что, не соверши он его, у него были бы крупные неприятности на работе. Вплоть до увольнения. А этого он допустить никак не мог. Слишком уж хорошо все складывалось в последние месяцы. И Виктор Сергеевич был им доволен. Вот и получалось, что поступить иначе Дима не мог. Этой женщине уже все равно невозможно было помочь, и ей было совершенно все равно, где лежать. Надо было думать о живых – о Марине, о Кирюше. В сущности, что такого особенного он совершил? Какое преступление? Просто вывез труп из ресторана. На это тоже были свои, и весьма серьезные, причины. Единственно, кому он сделал плохо, это тем людям, которым будет поручено найти убийцу этой женщины. Одно дело, когда тело обнаруживают на месте совершения преступления, где есть возможность найти отпечатки пальцев и прочие следы убийцы, кроме того, могли бы найтись и свидетели, которые видели, скажем, человека, подсыпавшего яд в чашку с кофе этой рыжеволосой женщины. Но в ресторане практически никого не было. Дима думал о том, что он смог бы сделать, чтобы женщину нашли как можно быстрее, пока она не разложилась... Позвонить и сказать. Это он может. Без проблем. Что еще? Он мог бы отправить в милицию чашки из-под кофе со следами пальцев и погибшей, и убийцы... Но чашки-то не простые, на каждой золотом выведено название ресторана «Коломба». Значит, с чашками ничего не выйдет. Да и вообще, какие чашки, когда Виктор Сергеевич уже наверняка позаботился о том, чтобы они были вымыты. За столиком сейчас, возможно, сидят другие посетители – живые и здоровые, и уминают за милую душу утку с черносливом или борщ. И им нет никакого дела до того, кто сидел за этим столиком до них, что ел, что пил. Жизнь идет вперед, все движется, перемещается в пространстве, и к этому движению следует относиться философски. То есть выбросить все из головы и даже не звонить в милицию, чтобы сказать о трупе. Его все равно обнаружат. Трупы, как правило, если они не зарыты, находят быстро. Значит, забыть? И Марине он тоже ничего не скажет. Зачем ее пугать этой мертвой посетительницей? У нее и так полно забот. В кухне идет ремонт, и она должна не только контролировать работу мастеров, но и нянчиться с шестимесячным Кирюшей, готовить обед, стирать... Нет, он никому и ничего не скажет. Ничего не было. И в ресторан никто не приходил – ни жертва, ни убийца. К тому же это всего лишь его собственные домыслы. Женщина могла скончаться от сердечного приступа. И с чего он взял, что ее отравили?

И вдруг его бросило в пот. Дурнота нахлынула вместе с чувством необычайной легкости, как у человека, только что осознавшего, какой беды он избежал: если эта рыжая была отравлена, да еще и в их ресторане, то подозревать могли бы и самого Диму! Он официант, это он принес кофе, следовательно, у него была возможность подсыпать туда яд... Чаевые официанта не настолько велики, чтобы исключать возможность подкупа... Что же это, выходит, Виктор Сергеевич спас его от унижительных допросов, подозрения, а потом, уже как следствие, и увольнения?! Чувство огромной благодарности захлестнуло его, и в ресторан он вошел уже

совершенно другим человеком. Постучался в кабинет директора уже не как провинившийся официант, в чью смену умерла за столиком посетительница, а как человек, готовый всю оставшуюся жизнь служить патрону, спасшему его от позора и, возможно, имея в виду «принципы» правосудия, даже от тюрьмы...

Глава 5

Марк, как и обещал, устроил встречу Риты с Вероникой. Рита, учитывая ситуацию, пришла во всем светлом, жизнеутверждающем, чтобы поднять дух подруги, заставить ее взбодриться. Рита никак не могла допустить, что Вероника имеет отношение к убийству мужчины, чей труп обнаружили в ее квартире.

Когда привели Веронику, Рита сразу же поняла свою оплошность – она, такая свежая, переполненная любовью к мужчине, нарядная и светящаяся, явилась неприличным контрастом поблекшей и убитой несчастьем Веронике. Впору было хоть просить прощения за свое бьющее в глаза счастье.

– Спасибо, что пришла, – Вероника слабо улыбнулась, усаживаясь на стул напротив Риты. – Я понимаю, что тебе нелегко было устроить эту встречу, и ты надеешься услышать от меня какие-то объяснения, но я могу сказать всего лишь одно: я не убивала. Я хотела единственно, чтобы он ушел.

– Да я понимаю, что ты никого не убивала, но пойми и ты: он умер в твоей квартире, и потребуется какое-то время, чтобы во всем разобраться... Главное, не сказать на следствии ничего лишнего. Будь осторожна. Мало ли что произошло в твоей квартире, и с какой стати ты, красивая молодая женщина, должна губить себя? Я понимаю, с этим мужчиной у тебя связана какая-то не очень красивая история, ну и что с того? В жизни каждой женщины случается что-то подобное... Я думала над твоими словами всю ночь, гадала... Самое ужасное, что могло бы произойти между ним и тобой, – это изнасилование. Но, судя по тому, что ты впустила его, ты же сама сказала, что между вами был даже роман, следовательно, изнасилование исключается. Ты не смогла бы завязать отношения с человеком, который надругался над тобой в прошлом. Значит, дело в другом. И это другое ты должна в подробностях рассказать мне, чтобы я, посоветовавшись с Марком, подсказала тебе, как следует вести себя, чтобы поскорее освободиться от подозрений... Если ты сама не хочешь себе помочь, тогда кто сможет? Не молчи, Вероника!

– Могу сказать только одно: я его не убивала. У меня и в мыслях такого не было... И меня действительно никто не насиловал.

– Тогда расскажи, что произошло в тот день, в тот вечер, когда все это случилось? Почему ты рванула ночью ко мне? Он обидел тебя? Оскорбил? Быть может, попытался изнасиловать? Оказался извращенцем?

– Нет, ничего такого не было... Мы встречались с ним, он относился ко мне, как к любимой женщине, был ласков, обходителен, говорил, что всю жизнь мечтал обо мне...

– О такой женщине, как ты... – вздохнув, Рита покачала головой. – Все они так говорят, словно у них в крови строки из одного и того же сценария...

– В том-то и дело, что он это говорил, и именно обо мне... Что он всю жизнь мечтал только обо мне...

– Хрен редьки не слаще. И что же тебе тогда не понравилось?

– Рита, понимаешь, в жизни человека бывают такие тайны, от которых он бы и сам рад был откреститься, забыть, вытравить из своей памяти... Не то что поделиться ими с кем-то другим, даже с такой подругой, как ты. Я уже решила – пусть будет все так, как есть... Не совсем же дураки сидят в прокуратуре. Вот Марк твой – он же талантливый следователь...

– Вероника, да ты пойми: все улики против тебя... Рубин застрелен в твоей квартире, оружие не найдено... Когда приехала милиция, тебя в квартире не было... А твой внешний вид? Ты была не в себе... Кроме того, ты не отрицаешь, что была знакома с этим человеком, что у вас был роман. Вывод напрашивается сам собой: вы поссорились, и ты убила его... Выстрел, судя по тому, что Рубин был убит выстрелом в живот, был произведен не профессионалом, так стреляют люди, никогда не державшие в руках оружия...

Рита вдруг поймала себя на том, что несет отсебятину. Что ничего такого Марк ей не говорил. Просто это убийство смахивало на трагическое завершение ссоры. И ей вдруг стало стыдно за то, что она изнывает от любопытства, ее «заело», что подруга не может поделиться с ней какой-то тайной.

Рита поднялась.

– Вероника, извини меня... Мне кажется, я допустила вольность в трактовке этого убийства. Но поверь, мною руководило желание помочь тебе. Ведь если бы выяснилось, что этот Рубин напал на тебя или же когда-то в прошлом убил, скажем, твоего ребенка или близкого родственника... Понимаешь, это были бы смягчающие обстоятельства... Но ты молчишь. Следовательно, ты сама выбрала линию поведения. Быть может, ты еще не осознаешь до конца всю серьезность и опасность ситуации...

– Рита, остановись... Я прекрасно понимаю, что ты хочешь мне помочь. Но рассказать всего я не могу даже тебе.

– А ты и не рассказывай. Просто объясни, что произошло именно в тот вечер, в ту ночь...

– Да все было чудесно. Мы ужинали, потом... Понимаешь, это должна была быть наша первая ночь... И я хотела этого мужчину, я была настроена на него... Но когда все это началось...

Вероника закрыла глаза и словно окаменела.

– Я не могу больше ничего сказать.

– Тогда придумай, черт возьми!

– Внешне это выглядело так, – Вероника взяла себя в руки и тряхнула головой. – Мы переспали, я почувствовала к нему отвращение и сказала, чтобы он ушел... Мне стало так нехорошо, я вдруг почувствовала опасность...

– Быть может, ты узнала в нем преступника?

– Может. Да, я могу сказать, что я его где-то и когда-то видела... Хотя это неправда. Я его никогда не видела. Я его чувствовала...

– Вероника, ты в своем уме? Ну что ты такое говоришь? – не выдержала Рита и от досады чуть не заплакала. – Как же мы можем тебе помочь, когда ты сама этого не хочешь? Несешь какую-то мистическую чушь!

– Тогда давай я придумаю, будто бы он захотел продолжения, а я испугалась и убежала...

– Тогда кто же его убил?

– В квартире все перевернуто... – напомнила ей Вероника.

– Ты, теоретически, сама могла все это сделать...

– Ну, если и ты мне не веришь, то какой смысл что-то придумывать, оправдываться? – уныло протянула Вероника. – Говорю же, пусть все идет как идет. Суди сама: оружия нет, следовательно, нет и отпечатков моих пальцев... К тому же нет мотива.

– Это ты так сейчас говоришь, но, судя по тому, в каком ты была состоянии, когда приехала к нам ночью, мотив был... Чем-то он, этот Рубин, тебя достал, раз ты сбежала из собственного дома...

– Да нет же! Говорю, все было чинно и... по согласию. К тому же, если бы я захотела от него избавиться, я бы ему так и сказала... Он – вполне культурный человек, он бы все понял и ушел...

– Вот и я так думаю. А он, судя по тому, в каком виде его нашли, перед смертью принял душ...

– Все правильно. Я и сбежала, когда он в ванную отправился...

– Да, я помню, ты так нам и сказала. И все же, Вероника, не упрямясь. Расскажи, кто этот человек? Где ты с ним познакомилась?

– Просто на улице... Недалеко от моего дома.

– Значит, уличное знакомство?

– У него были какие-то дела в городе... Он же приезжий, москвич, города не знает, вот и заблудился.

– Странно. Каким образом он оказался возле твоего дома?

– Говорит, что искал аптеку. Но какое это имеет значение?

– Любая мелочь, любой факт имеют значение, Вероника. А я из тебя все по капле выжимаю. Хотя понимаю, если уж ты решила мне ничего не рассказывать, то все бесполезно...

– Да я уже все рассказала! – горько воскликнула она.

– Что было дальше?

– Я показала ему аптеку, мы немного поговорили о лекарствах...

– О каких?

– У него болела голова, я сказала ему, что принимаю саридон... Но ему нужен был аспирин. Я сказала, что в нашем городе много фальшивых лекарств, что это опасно для жизни нации...

– Что, вот прямо так и сказала: опасно для нации? – улыбнулась Рита.

– Да...

– Понятно. Разговор ни о чем. Что потом?

– Он сказал, что приехал из Москвы по делам, закупает стекло на нашем заводе. Чуть ли не целый состав. Он состоятельный человек, кроме того, приятной наружности... Он пригласил меня вечером в ресторан, сам спросил даже, где лучше кормят, я предложила «Мандарин», вот, собственно, с этого-то все и началось. Мы сходили с ним в ресторан, после этого он проводил меня домой. На следующий день мы снова встретились, гуляли до самой ночи по набережной, обнимались в ротонде... Я почувствовала себя молодой и красивой. Он говорил мне такие комплименты...

– За вами никто не следил? Он не говорил, что ему кто-то угрожает? Что у него есть враги? Может, это его жена приехала из Москвы...

– Он сказал, что разведется с ней... Рита, да обычная история! Я все знала с самого начала, что он не разведется, и все такое... Но он был таким приятным в общении, таким щедрым...

– Он делал тебе подарки?

– Конечно. Он купил мне сначала кольцо, потом сережки... А когда мы гуляли с ним в центре города и зашли в посудный...

– Вот только про посудный мне не говори. Это моя болезнь. Конечно, он купил тебе сервиз.

– Два. Японский с красными петухами и чешский – белый с золотом, чайные. Он сказал, что у меня хороший вкус.

– Я вот тебя слушаю и думаю, может, мне все это приснилось: смерть Рубина?

– Если ты удивляешься, то представь себе мое состояние... Да, я уехала от него, не было сил оставаться рядом... Сразу подумала о тебе, как о человеке, который поймет и приютит... Но разве я могла предположить, что его убьют?

– Послушай, Вероника, а что, если бы ты осталась и убийца заявился к тебе в квартиру...

– Понятия не имею. Но я тоже об этом думаю. Тогда бы ты услышала о двух трупах.

– Марк допускает мысль, что ты могла... – осторожно произнесла Рита в надежде, что, услышав такое, Вероника все же изменит свое решение и признается в истинной причине, заставившей ее сбежать ночью из дома.

– Да я знаю. Иначе он бы сделал все возможное, чтобы меня хотя бы не заперли в камеру. Выходит, он тоже подозревает меня и допускает мысль, что я – опасный элемент. Что меня надо изолировать от общества. Что я кусаюсь, плююсь и стреляю...

– Но он переживает за тебя...

– С чего бы это? Он меня почти не знает. И если он что-то и сделает, то только ради тебя, Марго.

– Ну и что с того? Да я бы на твоём месте цеплялась за любую возможность! К тому же ты вряд ли бы обрадовалась, если бы поняла, что я тебе лгу, будто бы Марк пытается тебе помочь исключительно ради пополнения списка добрых дел...

– Рита, я никого не убивала. Тем более Рубина. Но, признаюсь тебе, я почему-то успокоилась...

Больше она не проронила ни слова. Поднялась со стула и направилась к двери, давая понять, что разговор окончен. Рита, ошеломленная последними словами подружки, поняла, что приходила напрасно.

Она вошла в кабинет Марка, чтобы рассказать ему о встрече с Вероникой, но, увидев его, строго беседующего с каким-то человеком, поняла, что сейчас Марк ей не принадлежит и что ее появление у него будет выглядеть нелепо. Она, пятась, вышла из кабинета, уверенная в том, что он ее и не заметил. Но буквально через несколько секунд дверь распахнулась, и Марк поймал ее уже у двери в коридор.

– Ты куда? Как дела? Вероника что-нибудь сказала?

– Тебе передать этот разговор прямо здесь, уложиться в пару секунд? – спросила Рита, понимая, что все равно ей нечего рассказать ему.

– Да. Здесь и сейчас.

– Она говорит, что ей было хорошо с ним, хотя она и знала, что у него семья в Москве... Они ходили по ресторанам, гуляли, словом, она с ним развлекалась на полную катушку. Он ей подарки дарил, не скупился, был приятен в общении. Она туманно намекнула на то, что в постели между ними произошло что-то такое, чего она не приняла... Испугалась, вот и приехала ко мне...

– Ей сколько лет, тринадцать? Чем мог ее, взрослую женщину, бывшую когда-то замужем и наверняка поменявшую не одну дюжину любовников, напугать мужчина?

– Она отказывается говорить на эту тему.

– Но если допустить даже, что он предложил ей нечто такое... скажем, чего не может дать жена, но что ожидается получить у любовницы... За это не убивают.

– Вот и я о том же.

– К тому же он ограблен... В его вещах мы не нашли бумажника, на теле – ни кольца, ни цепочки... В последнее время я заметил, что состоятельные мужчины любят навешивать на себя золото...

– Тогда, может, Веронику отпустим?

– Мы с тобой? – Марк широко улыбнулся. – Может, и отпустим. Даже наверняка отпустим.

– Ты не шутишь?

– Нет. Но чуть позже.

– А его жена... Жена этого Рубина? Ей сообщили о смерти мужа?

– Конечно. Она уже здесь. Остановилась в гостинице. Она опознала мужа. Но особенно-то не убивалась. Сказала, что в последнее время они лишь поддерживали отношения, но каждый уже давно жил своей жизнью.

– Значит, если бы он остался жив, Вероника могла бы рассчитывать на брак...

– Рита!

– Все-все, замолкаю. Так вы отпустите Веронику?

– Да, возможно, уже сегодня вечером.

Промурлыкал телефон. Это была Тамара. Рита взглянула на Марка, словно извиняясь за то, что их разговор прерывается.

– Это Тамара...

– Снова на пикник зовет? – усмехнулся Марк, но почему-то не вернулся в свой кабинет, а продолжал стоять на пороге приемной.

– Тамара? Слушаю... Что-то случилось?

Тамара взволнованным голосом говорила, что Зося так и не объявилась, но в ее комнате на столе они с мужем нашли блокнот, куда она записала расписание московского поезда и стоимость билета.

– Хочешь сказать, она могла уехать в Москву? – удивилась Рита.

– Иначе зачем бы ей было это писать в блокноте? Понимаешь, если она уехала, пусть, это ее жизнь, и я не стану вмешиваться... Просто мне надо знать, что с ней все в порядке...

– Тамара, я сейчас не могу с тобой говорить... Если хочешь, я сама к тебе приеду...

Она отключила телефон и посмотрела на Марка.

– У моих подруг одни проблемы... И начались они как раз тогда, когда я стала жить со следователем прокуратуры... Это совпадение?

– Вероятно. Что у нее случилось?

– Да так, ничего особенного, просто ее домработница, Зося, исчезла. Ее нет уже два дня. В ее комнате на столе они нашли блокнот с расписанием московского поезда и стоимостью билета...

– Она хотела, чтобы ты спросила у меня, не числится ли в списках выехавших из города в Москву ее домработница, а ты не поняла? – улыбнулся Марк. – Давай говори, как ее зовут, фамилию, имя-отчество...

– В том-то и дело, что фамилию Тамара не знает, представляешь? Женщина проработала у нее целый год, а фамилию у нее так и не спросили. Ее зовут Зося. Это все, что я могу сказать.

– Не густо. Значит, я должен найти женщину по имени Зося, которая могла выехать в Москву 1, 2 и 3 августа, так?

– Но имя Зося – достаточно редкое...

– Я попробую. Хорошо, что у нас нет домработницы... Вот была бы головная боль...

Марк вдруг схватил Риту за талию и притянул к себе, поцеловал несколько раз.

– Я прямо заряжаюсь от тебя...

– Но там у тебя... в кабинете... человек... Он ждет тебя...

– Он пишет признательные показания... Друга зарезал, представляешь? На даче. Девушку не поделили.

– Ты тоже способен из-за любви на убийство? – Рита ответила ему долгим поцелуем.

– Не знаю, может быть... Во всяком случае, голову-то из-за тебя я точно потерял. Знаешь, что мне не понравилось?

– Что? – удивилась и насторожилась она.

– Ты сказала одну фразу... «У моих подруг одни проблемы... И начались они как раз тогда, когда я стала жить со следователем прокуратуры...»

– Ну да! Что тебе не понравилось?

– Ты не сказала: «...когда я вышла замуж за следователя прокуратуры...»

– Но ведь я же действительно не вышла за тебя замуж.

– Так в чем же дело?

– В фате, белом платье, разве не понятно?

– И все?

– Нет, еще туфли, сама свадьба с гостями, цветами... Марк, я кажусь тебе смешной?

– Сегодня же подадим заявление и купим тебе самое красивое платье...

Рита вышла из прокуратуры розовая и счастливая. Она мысленно уже садилась в лимузин в белом пышном платье, и длинная фата из английской сетки, подхваченная легким ветерком, цеплялась за букеты стоявших позади нее гостей...

Глава 6

Рита была права. Невозможно было находиться в этой камере с подозрительными женщинами, выслушивать их истории в надежде услышать ее, Вероникину, историю. Да кто они такие, чтобы она исповедовалась им? Она даже Рите ничего не рассказала... Да и что бы изменилось, если бы она рассказала ей все то, что ей пришлось испытать той жуткой ночью, когда она вдруг поняла, кого привела в дом?! Тем более что к убийству это никак не относится. Это ее, Вероникино, личное дело.

Может, ей все это снится? В это невозможно поверить – в то, что у нее в квартире убили человека, от которого она так страстно захотела избавиться? Словно кто-то там, наверху, решил помочь ей и пристрелил человека, которого она хотела забыть и которого, как ей всегда казалось, она никогда не встретит. Однако встретила. И встречу организовали ей там, тоже наверху... Кто же смеет так дерзко управлять чужими судьбами? За что ей послали это испытание? В наказание? Расплата. Какое неприятное и не присущее ей слово. Она никогда не считала, что должна расплачиваться за что-то хорошее, что прошлое напомнит ей о себе таким чудовищным, неожиданным образом. К тому же она обманывала в первую очередь себя, когда говорила Рите, что не может признаться ей в том, что же произошло с ней в ту роковую ночь на самом деле, что так взволновало ее: она изначально, когда только все поняла, хотела поговорить с Ритой и посоветоваться с ней... Так почему же сейчас, когда Рита сама пришла к ней, чтобы помочь, она так и не смогла пересилить себя?

Она смутно помнила, как добиралась до Риты, о чем думала. У нее было единственное желание: не оставаться наедине с Рубиным. Конечно, она допускала мысль, что разбуженная посреди ночи Рита разбудит и Марка. Ночной звонок всегда таит в себе вероятность опасности и даже трагической новости. И Вероника не могла этого не понимать, значит, была готова к тому, что ей придется рассказать в присутствии Марка все то, что она несла одной Рите... Или нет? Марк – посторонний человек. Нет, нет, она не собиралась посвящать Марка в свою личную жизнь. Однако, увидев его, поняла, что только с его помощью сможет избавиться от мужчины, так неожиданно вторгшегося в ее жизнь...

Думая и вспоминая все это, она запутывалась все больше и больше. Тем более что сейчас, когда Рубина не было в живых, ее ночной визит к Рите мог выглядеть как желание попросить помощи у человека, имеющего непосредственное отношение к правоохранительным органам, следовательно, Марк на самом деле мог допустить мысль, что Вероника, убив Рубина, приехала к ним, чтобы они спасли ее... Но у нее и в мыслях не было никого убивать! И что это за мысли такие вообще об убийстве, когда речь шла совершенно о другом... Просто она испытала шок и поняла, что не в состоянии одна справиться с тем, с чем столкнулась.

К тому же она и на самом деле сейчас никак не могла привыкнуть к мысли, что ее обвиняют в убийстве. Это недоразумение, абсурд... Надо было обо всем рассказать Рите сразу же, у нее дома, и вообще попроситься к ней на ночь. И тогда, быть может, ничего бы и не было. Но труп-то был бы... Ведь, когда они приехали к ней домой, Рубин был уже убит, и в квартире уже набилось полно народу... Ждали словно главного персонажа, убийцу, и решили сразу же почему-то, что это она и есть – главное действующее лицо преступления...

Вернуть Риту? Закричать и попросить остановить ее? Нет, она опоздала. Рита наверняка уже уехала.

– Что, любовника убила? – услышала она прямо над своим ухом и вздрогнула. Вернулась в реальность. Какая-то женщина с темным лицом и невымытыми волосами склонилась над ней...

Глава 7

– Знаешь, Тамара меня так удивила, у нее явные психологические проблемы, – сообщила Рита вечером за ужином Марку. – Когда она рассказала мне историю, как познакомилась с этой самой пропавшей Зосей, я сразу поняла, что это не совсем нормально...

– Подожди, совсем забыл. Я же выяснил, что ни первого, ни второго, ни третьего августа из нашего города гражданка с редким именем Зося в Москву не выезжала и не вылетала.

– Только в Москву?

– Так у нее же в блокноте...

– Да, правильно. Если бы она собралась, предположим, в Киев или Воркуту, то в блокноте у нее было бы название именно этого города, расписание поезда, следующего в Воркуту... – задумчиво проговорила Рита.

– Ты хотела объяснить, почему ты решила, что у твоей Тамары сдвиг по фазе, – напомнил Марк, уплетая ледяной свекольник.

– Знаешь, а я так надеялась, что ты нам поможешь...

– Ты расстроилась? Но, Рита, я же помог, выяснил, что в последние дни ее домработница в Москву не выезжала. Даже не вылетала...

– Ладно, пусть сами разбираются. Я хотела просто рассказать тебе о том, какие бывают люди. Вот, к примеру, Тамара. Представляешь, она играет в контрасты... Она, богатая женщина, нашла себе такую игру, которая позволяет ей более остро насладиться своим положением.

– Интересно.

– А по-моему, пошлово. Она купила, вернее, им достался по наследству домик в Татищеве, обыкновенный деревенский домишко, куда она ездит, чтобы поближе познакомиться с жизнью простых людей, крестьян, и чтобы потом, окунувшись во все это, вернуться в свой кондиционированный золоченый рай... Ну как тебе развлечение?

– Это ее жизнь, и мне, признаться, нет до нее никакого дела. А при чем здесь ее домработница?

– Она подобрала ее в прошлом году на вокзале, увидела плачущую, бедно одетую женщину и пригласила домой. Пригрела и дала ей работу.

– Впустила в дом постороннего человека? – От удивления Марк перестал есть. – Запомни, Рита: ничто в этом мире не делается просто так. Я давно уже вывел одну закономерность: если ты чувствуешь в поступках человека что-то странное, пусть даже элементарное отсутствие логики, насторожись, подумай, зачем это понадобилось, к примеру, твоей подруге брать в дом постороннюю женщину...

– Марк, да чего это ты завелся?

– Нет, это я к примеру... Твоя Тамара ни при чем. Просто я на будущее... Понимаешь, с тех пор, как я познакомился с тобой, меня не покидает чувство, похожее на страх... Я очень боюсь потерять тебя... Ты пойми, я каждый день сталкиваюсь с преступлениями. Такая уж у меня работа – видеть изнанку нашего общества... Вот ты, к примеру, стараешься видеть во всем только прекрасное, пишешь свои дивные картины, натюрморты, фантазируешь... Но ты же не пишешь разложившиеся трупы, хотя отлично знаешь, что они где-то существуют... Ну и так далее. Извини, если испортил аппетит...

– Да нет, продолжай, ужасно интересно, – с холодком отреагировала Рита, которая была удивлена такой трактовкой ее творчества. – Да я все понимаю. Ты переживаешь за меня, я бы тоже, наверное, если бы ты был художником, а я – работала в прокуратуре, как ты, следовательно, попыталась каким-то образом объяснить тебе, что жизнь состоит не только из букетов и

бабочек... Но мне кажется, что я и так осторожна. Ты не можешь знать, что я последние годы, до встречи с тобой, вообще жила, можно сказать, в одиночестве, среди своих картин...

– К тебе время от времени приходили посторонние люди, – с горечью и плохо скрываемым упреком произнес Марк и вздохнул.

– Марк, но я же, помимо натюрмортов, пишу еще и портреты... – вконец растерялась Рита.

– А если бы ты выбрала своей моделью преступника? Маньяка? Или, к примеру, воровку, которая бы обокрала тебя... Да мало ли! Рита, милая, прошу тебя, будь осторожна... Я постоянно думаю о тебе...

– Да успокойся ты, Марк, я уже жалею, что рассказала тебе о Тамаре...

– А подруга твоя, Тамара, вообще... у меня нет слов... Привела с вокзала незнакомого человека, поселила в своем доме... Рита, ты сама-то в это веришь?

– Но с какой стати она стала бы меня обманывать?

– Или ты в людях совершенно не разбираешься, или же у твоей подруги действительно не все в порядке с головой...

– Да она, может, просто очень добрая! Между прочим, ее поступок по отношению к этой Зосе был продиктован исключительно благотворительностью. Не понимаю, почему ты злишься... Тебе не нравится Тамара?

– Не нравится – это еще мягко сказано! – вдруг вскричал Марк. – Это она со своим муженьком заставили тебя, мою жену, провести на необитаемом острове девять часов... А если бы тебе было плохо? У них вышла из строя лодка, пусть, но машина-то была на ходу! Могли бы поехать в соседний рыбацкий поселок, договориться с рыбаком, у которого есть лодка... Да вариантов могло быть миллион!

– Не злись, прошу тебя. Ты сегодня весь на нервах...

Она вдруг поняла, что Марк прав. И что если бы на месте Георгия на берегу оставался он, то сделал бы все возможное и невозможное, чтобы добраться до острова и вернуть оказавшегося там человека... Даже если бы это была не Рита.

– Я просто очень люблю тебя и не могу понять, как рядом с таким ангелом, как ты, может находиться такая противная баба – Тамара... Я понимаю, что ты имеешь право на свой собственный круг общения и что я, в свою очередь, не имею права, по большому счету, указывать тебе, взрослой женщине, с кем общаться или нет, но все равно прошу тебя – прислушайся к тому, что я тебе говорю... И эта Зося сбежала от них не случайно.

– Да бог с ней, с этой Зосей! – в сердцах воскликнула Рита. – Если бы я только знала, что тебе неприятно говорить о Рындиных, я бы не стала ни о чем тебя просить... Я думала, что тебе нравится эта пара...

– Это ты меня прости... – Марк сжал ее руку. – Свекольник был наивкуснейший... И вообще, Рита, ну их всех... Я дома и не хочу думать больше ни о чем... кроме тебя, конечно... Сегодня пообещал тебе, что подадим заявление в ЗАГС... Понимаешь, там расписание, можно приходиться лишь по определенным дням и в определенные часы...

– У меня есть это расписание, – Рита улыбнулась. – Мы можем это сделать завтра с восьми до половины одиннадцатого. Ты сумеешь?

– Да я хоть сейчас готов туда идти и ночевать под дверями ЗАГСа, чтобы только быть первым... Я на все готов, чтобы только увидеть тебя в подвенечном платье... Представляю себе, какая ты будешь красивая...

– А сейчас? Сейчас я тебе совсем не нравлюсь?

...На ней были одни бусы, когда в дверь позвонили. Марк, с которого градом лил пот, со стоном оторвался от Риты и, схватив со стула одежду, бросился из кухни, где их охватило желание, в спальню.

– Марк, я могла бы не открывать... – чуть не плакала Рита, все еще держась за стену. – Вернись... так нельзя...

– Я вырву с корнем звонок, понимаешь? Ни минуты покоя... Я застрелю всех твоих подруг, родственников, гостей, натурщиц и натурщиков... – его приглушенный голос продолжал доноситься из спальни, где он, вероятно, судорожно одевался.

Рита набросила на себя блузку, не спеша надела юбку и направилась к двери. «Мой дом – не моя крепость».

Она, даже не посмотрев в глазок, открыла дверь. На пороге лежал конверт. Она пожала плечами и подняла его.

– Марк, тебе письмо... Очень большое... Тяжелое...

Марк молниеносно выбил конверт из ее рук, а саму оттащил в глубь прихожей и вылетел на лестничную клетку, осмотрелся и бросился к окну. Затем вернулся и тщательно запер дверь.

– Ты посмотрела в глазок, прежде чем открывать? – строго спросил он, вытирая ладонью пот со лба. – Рита, ты слышишь меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.